

Земное плавание

Анастасия Бойцова

Осень

ястребина высота
неба – от заката до виска!
Словно остролистая осока.
Прорастает звонкая тоска.

Каждый гиб ладони – или неба;
Ветки – или ребер изнутри...
Провода, натянутые нервы,
Отражаясь в зыбкости витрин.

Заставляют ждать забытой трели
Телефона – жил еще вчера!
Поздравлять с осенним обострением
Некому в такие вечера.

Некому послать с осенней почтой
Весточку за тридевять небес,
Оттого, что кто-то знает не хочет
В это воскресенье, что тебе

Впору небеса достать рукою,
Просочиться в щелочный прищур...
Моя, оставь меня в покое:
Осень – это чересчур.

Земное плавание – пробоины без днищ,
Плос убеждение, что не тонувший –
не жил.

Бог, покидающий любого, кто не нищ,
А впрочем, нищих покидающий
не реке;

Звек толпы, не ожидающей мессий,
Да почитателей внезапные отливцы:
Бог, отвергающий любого, кто не сир,
И так карающий попытки быть
счастливым,

На всех земных, на всех
заманчивых стезях
Располагая непонятные трясины,
Что даже жаловаться попросту нельзя,
Поскольку слушатель сочувствовать
не в силах.

И так далек ближайший друг или сосед,
Как два отшельника по берегам
расселин;
И нет страшней, чем искушение
быть как все;
И нет сильней, чем искушение
быть со всеми;

И в те часы, когда дозволено ласкать,
Хоть на мгновение забвуть,
что происходит –
Вновь подступающая тошная тоска:
Тоска по равенству во всей его свободе.

И как ни ласкова мирская карусель,
И как ни дороги единственные лица,
У горбуна и великана в жизни сей
Одна мечта – хоть на секунду
распрячься!

Но в самый миг, когда почти уже,
вот-вот,
Все расстояния сокращаются до щели,
Бог перекрестит звуковой воздуховод,
Проза оставить без надежд
на возвращенье.

Увы, не слишком ли высокая цена
За дом с картинами и шинцеля
по-венский?
И вместо равенства опять дается нам
Неоспоримое, постылое главенство.

Возраст

Атрофия желаний.
Синдром остановки роста.
Рецидивы сварливости, яростные,
как Гера.

Ничему этот возраст не учит –
разве бороться
С ненормированными
приливами эстрогена.

Поджимаются губы.
Виски упорно редеют.
Что не прошлого века –
уже в другом государстве.
Но уже не желается –
ни за какие деньги! –
Уступить, отоварить
последнее, сдаться, сдаться...

Тяжелее шагается – да;
но дышится выше
Без привычного шлейфа в толпе,
где мужские лица.
Красота – краткосрочный талон.
Срок действия вышел.
Первородство, уже
неподвластное чечевице.

Все проклятое время!
И в нас, как в горных породах,
Наносные слои подгребают
под водомертвой.
Юный пыл иссыкает –
а с ним и юная робость;
Остается. .. Эх, знать бы заранее,
что остается.

Угасают мечты. В тридцать
пять уже не стремятся
К неизвестной судьбе –
результаты спят на диване.
Юный жар остывает –
а с ним и юная мягкость;
Мы уже не меняемся –
просто затвердеваем.

Без кокетства, без вечного
страха, что забракует,
Мы впервые способны одни
оставаться в поле.
Бог отлил меня в форму –
пока не знаю, в какую.
Ибо, в сущности, что,
кроме смерти, ее расколет?

И в мозгу, осознав эту истину
прописную,
Кровь замедлила ток, и сердце
больше не ноет...
Соки жизни еще не иссякли –
просто уснули.
Словно в кокон укрытые
первого сединаю.

Красота приувяла, отвага
поизносились
(Жанне д' Арк – восемнадцать,
и спорить с этим не стоит).
Но еще под порошею тлеют такие силы,
Как под слоем земли:
как под вечною мерзлотой;

От которых пасуют твердьни,
знамена вянут.
Позабыты законы, не слышано
о запрете!
Весь Париж содрогнулся
от грохота деревянных
Башмаков – как потом
не дрожал в девяносто третьем –

Это вышло на улицы грозное и лихое –
И не верье, что время заставило
заржаветь их!
Жанне д' Арк – восемнадцать, да;
но уж в Версальском походе
Шла, гремя башмачищами,
сила сорокалетних!

Песни из пьесы о Тристане и Изольде

Первая песня менестреля

Иде-то волны о берег бьют
цепами водными
И вздымаются до высот морская грудь...
Положите меня в ладью, ладью
походную –
Пусть меня по волнам несет
куда-нибудь.
Иде на розовых берегах закат
румянится,
Иде на скалах танцуют тени без числа...
Кто ты – дочь моего врага
или племянница.
Та красотка, что на песке меня нашла?
Отчего же судьбе жестокой
нету дела, что
Бью правым и что –
неправым вдалеке?
Если б знала, ах если б только
знала, девушка,
Для кого ты мешаешь травы в котелке!
Я забуду тебя, уеду, и не жди меня –
Не тебе, моя боль, терзать меня
в плену...
Я не смею тебе поведать даже имени –
А не то, что хоть раз в глаза
тебе взглянуть!
Не судьба нам вести на ложе
речи страстные,
Не судьба заглянуть за весенний
окоем –
Я не стану тебя тревожить, враг
мой ласковый!

Я тебя позабуду, спасение мое...

Песня Бранжьены

Когда могилой станет дом и мужний,
и отцовский,
Когда сестра со мной вдвоем
останется в ночи –
Пою о том, кого мы ждем,
покуда светит солнце,
Пою о том, кого мы ждем,
пока струна звучит!
Лети, струна, звени, струна,
порви до крови пальцы.
Лети дорогою сердец сковано
горе и нужду;
Но ты поведаешь о нас
далекому скитальцу,
Ты донесешь ему, что здесь
надеются и ждут!
Лети, мой зов, покинув сад,
лети, отринув гордость,
Лети, рассеивая тьму,
над тысячами сот...
Найдите верного гонца,
душа моя и голос,
Найдите друга, что ему
посланье отнесет!

Вторая песня менестреля

Молва и крик из всех окон:
Идет дракон! Идет дракон!
Горит огнем алмазная попоная;
Найди-ка щель в его броне!
Страшней дракона зверя нет –
Страшнее лишь награда за дракона.
Дракон могуч и ядовит:
Но яд проклятия в их крови
Куда сильнее – лишь его и бойся!
Известно всем в любой стране:
Страшней дракона зверя нет!
Страшнее лишь судьба драконобойца.
Беги, кто сам себе не враг! –
И бьется в пламени Геракл,
И Сигурд – могила вместо трона...
Пасит легенда исконок,
Одно страшнее, чем дракон –
Награда победителю дракона.